

танцам и «началом» французского языка. Да и у дочерей Петра I были не только французские, но и немецкие учителя и воспитатели¹⁹. Время французского влияния на русское общество ещё не пришло. Гораздо заметнее оно стало в годы царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II, но всё-таки начало идёт из Петровской эпохи.

С.А. Мезин представил вниманию читателя целостное и всестороннее исследование путешествия Петра I во Францию, органично включив его в контекст развития русско-французских отношений. Его монография — фундаментальный научный труд, который привлечёт внимание не только специалистов, но и всех, кто интересуется историей России Петровской эпохи.

Примечания

¹ Вагеманс Э. Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007; Вагеманс Э. Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб., 2013.

² Горбатенко С.Б. Архитектурные маршруты Петра Великого. СПб., 2015.

³ Черкасов П.П. Двуглавый орёл и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII в.: 1700–1775. М., 1995. С. 19.

⁴ Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 1999; Изд. 2, испр. и доп. Саратов, 2003.

⁵ Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича // Русский вестник. 1841. Т. 2. Кн. 5. С. 401–413.

⁶ Русский перевод хроники опубликован: Тимошук В. Пётр Великий в Париже в 1717 году // Русская старина. 1909. Т. 137. С. 379–386.

⁷ См., например: Всемирная история. В 6 т. Т. 4: Мир в XVIII веке. М., 2013. С. 34.

⁸ Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 261.

⁹ Журнал ежедневный... С. 410.

¹⁰ См., например: Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей. С. 260–272.

¹¹ Постников А.В. Новые данные о российских картографических материалах первой половины XVIII века, вывезенных Ж.-Н. Делилем во Францию // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 3. С. 19–21.

¹² Копелевич Ю.Х. Возникновение научных Академий: Середина XVII — середина XVIII в. Л., 1974. С. 181.

¹³ Базарова Т.А. Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 113.

¹⁴ Калязина Н.В. Архитектор Леблон в России 1716–1719 гг. // От Средневековья к Новому времени. М., 1984. С. 94–123; Калязина Н.В., Калязин Е.А. Жан Леблон // Зодчие Санкт-Петербурга: XVIII век. СПб., 1997. С. 67–111; Medvedkova O. Jean-Baptiste Alexandre Le Blond, architecte 1679–1719 — De Paris à Saint-Petersbourg. Paris, 2007.

¹⁵ Куракин Б.И. Гистория о царе Петре Алексеевиче: 1682–1694 // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 51.

¹⁶ Языков Д. Русское посольство во Францию и Испанию 1687 года // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. Отд. III. С. 45–82.

¹⁷ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 197.

¹⁸ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 355, 360–361.

¹⁹ Там же. С. 359.

Виктор Державин

Рец. на: Т.Б. Арлов. История архипелага Шпицберген. М.: Paulsen, 2016. 592 с.

Viktor Derzhavin

(Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: T.B. Arlov. Istoriia arkhipelaga Shpitsbergen. Moscow, 2016

В российской «полярной библиотеке» (комплекс книг по истории и освоению Арктики) до сих пор нет исследований, посвящённых прошлому архипелага Шпицберген. Отечественные авторы лишь затрагивали эту тему в ряде статей, опубликованных в научно-популярных журналах,

или в общих трудах по истории освоения Арктики¹. Поэтому рецензируемое издание — первая переведённая на русский язык книга по истории Шпицбергена норвежского исследователя Т.Б. Арлова² — является, безусловно, неординарным явлением в историографии Арктики.

Впервые прошлое архипелага предстаёт перед российским читателем во всей полноте и строгой последовательности. События, происходившие на Шпицбергене в течение четырёх столетий, автор рассматривает на фоне «общей исторической панорамы Европы». При этом красной нитью проходит главная идея Арлова: Норвегия по праву владеет архипелагом, поскольку здесь она достигла таких впечатляющих результатов, которые вряд ли были бы под силу какой-либо другой стране. Конечно, в первую очередь данная ремарка адресована России. Однако стоит обратить внимание на редкую откровенность автора при детальном анализе политической истории архипелага, который с начала XVII в. становился ареной столкновения интересов многих европейских государств. Далее Арлов подчёркивает, что его книга написана всё же норвежцем и для норвежцев, поэтому не может претендовать «на национальную нейтральность» (с. 21), из чего становятся понятны некоторые его спорные взгляды по тем или иным проблемам.

Один из самых интригующих вопросов касается времени возможного открытия архипелага до экспедиции 1596 г. голландского мореплавателя В. Баренца. На этот счёт существуют три точки зрения. Согласно первой версии – первобытной – Шпицберген мог быть заселён в эпоху каменного века. Основанием для неё послужили найденные в середине прошлого столетия в Ис-фьорде находки – кремневые сколы, которые сначала ошибочно приняли за орудия эпохи мезолита. Появилась даже любопытная гипотеза о переселении первобытных людей из бассейна Печоры на архипелаг, добравшихся до него по льду Баренцева моря. Но в ходе начавшихся в 1955 г. на Шпицбергене археологических раскопок следов каменного века выявлено не было (с. 53).

Согласно второй версии – так называемой свальбардской – архипелаг «открыли» викинги в 1194 г., что подтверждают исландские саги. Наиболее последовательно эту точку зрения отстаивали норвежские исследователи конца XIX – начала XX в. (с. 54–55). Кстати, свальбардская гипотеза была впервые высказана не геологом Б. Кейльхау, как считает Арлов, а историком Г. Стормом, которого безоговорочно поддержал исследователь Арктики Ф. Нансен. Кейльхау же после поездок на архипелаг в 1827 и 1828 гг. выдвинул лишь предположение о том, что викинги, возможно, могли знать о Шпицбергене и Свальбарде, но в его понимании это были разные полярные области³. Однако Сторм интерпретировал мысль Кейльхау таким образом, чтобы обосновать принадлежность архипелага Норвегии

ещё со времён викингов. Популярной свальбардская версия стала именно тогда, когда Норвегия переживала небывалый рост национального самосознания и готовилась выйти из унии со Швецией. Не удивительно, что данную версию полностью поддержало норвежское общество.

А к аргументам критически настроенных оппонентов этой точки зрения, размещавших Свальбард на восточном побережье Гренландии, в порыве патристической эйфории норвежцы вообще не прислушивались. Речь идёт в основном о датских исследователях (К. Рафн, К. Редер, Г. Хольм и др.), имён которых Арлов даже не упоминает. Вместе с тем ещё в XVI–XVII вв., когда географы уже хорошо представляли местонахождение Шпицбергена, исландские картографы, опираясь на саги, размещали Свальбард на востоке Гренландии, между 68° и 72° с.ш.⁴ Этого же мнения придерживался и выдающийся норвежский миссионер XVIII в. Х. Эгед, который провёл долгие годы в Гренландии, крестя и просвещая эскимосов. Благодаря его описанию этой страны в Европе появились и другие карты, на которых Свальбард располагался на восточно-гренландском побережье⁵.

Таким образом, исландцы уже в XVI–XVII вв. решили свальбардский вопрос, не будучи отягощёнными искусственными схемами, которые учёные порой создавали в угоду политической конъюнктуры. Ещё в 1988 г. Арлов тоже склонялся к свальбардской гипотезе, правда, считая всё же, что ей недостаёт доказательств. Но в рецензируемой книге он уже называет её, что вполне справедливо, мифом (с. 59).

Сегодня, когда Шпицберген давно является де-факто и де-юре норвежской территорией, можно и не принимать свальбардскую версию всерьёз, но в начале прошлого столетия для норвежца признать её несостоятельность было равносильно национальной измене. Эта версия стала важным, если не ключевым, инструментом в руках норвежских политиков того времени, сыграв существенную роль в установлении суверенитета Норвегии над архипелагом, раньше считавшегося «ничейной землёй» (*terra nullius*), согласно Парижскому договору 9 февраля 1920 г., к которому СССР официально присоединился в 1935 г.

За несколько дней до официального подписания Парижского договора, 1 февраля 1920 г., авторитетный норвежский исследователь А. Гуль в газете «Aftenposten» выступил с предложением о переименовании нового владения Норвегии в Свальбард, опираясь на крайне сомнительную версию Сторма. В итоге,

пять лет спустя, в 1925 г. стортинг Норвегии переименовал архипелаг в Свальбард, что имело далеко идущие политические цели, хотя в международных правовых документах норвежское название признано не было. Безусловно, нельзя не признать в продвижении «национального проекта» (именно так автор именуется процесс установления суверенитета Норвегии над Шпицбергом, с. 265) особую роль Нансена («нужный человек в нужное время»). Но ещё большая заслуга, по мнению норвежского историка Ристе, принадлежала посланнику Норвегии в Париже барону Ф.В. Ярлсбергу, которого за полгода до официального подписания Парижского договора встречали на родине как национального героя⁶.

В том же 1925 г. Норвегия объявила архипелаг владением Норвежского королевства с согласия Советской России в обмен на установление дипломатических отношений между государствами. За этим последовала искусственная трансформация исторической топонимики Шпицбергена. Искажению подверглись в основном английские и голландские географические наименования, когда, по выражению российского исследователя В.С. Корякина, «все ненорвежские топонимы на архипелаге получили норвежское звучание»⁷. Вместе с тем составители словаря по топонимике Свальбарда и не скрывали, что с 1933 г. официально проводилась «норвегизация» (*norwegianizing*) географических наименований Шпицбергена, для того чтобы исторические топонимы иностранного происхождения соответствовали норвежской фонетике⁸.

Наконец, приверженцы третьего мнения — в основном российские археологи и историки — считают, что до экспедиции Баренца первенство в «открытии» Шпицбергена принадлежало поморам (с. 57—58). Эта версия была ими представлена ещё до революции, но обосновал её на археологическом материале В.Ф. Старков. Однако подтвердить данную версию только археологическими артефактами оказалось непросто из-за консервативности поморской промысловой культуры. Поэтому российский исследователь использовал в качестве решающего, по его мнению, аргумента дендрохронологию. Но данный метод резко раскритиковали проводившие на архипелаге раскопки европейские археологи (Я. Хохоровский, М. Ясински, Т. Хелтгрэн, А. Кравчик). Естественно, их мнение разделяет и историк Арлов.

Важно отметить, что польские археологи вели на Шпицбергене в 1980—1990-х гг. крупномасштабные исследования поморских памятников. А вот какие конкретно научные цели они тогда перед собой ставили и почему изучали преимущественно объекты русского

историко-культурного наследия, ответа в книге мы не найдём, да и о самих раскопках Арлов лишь упоминает (с. 119). Но интересно другое: взгляды польских и норвежских археологов в итоге удивительным образом совпали. Очевидно, что их совместные исследования в рамках одной научной программы «Русские охотничьи станции Свальбарда» проводились исключительно в противовес работам российских (советских) археологов с целью опровержения гипотезы поморского «следа» в «добаренцев период»⁹.

По подсчётам Старкова, ранних поморских памятников XVI—XVII вв. на архипелаге всего девять. Практически все они сосредоточены в южной и средней частях западного побережья Шпицбергена. Оппоненты российских археологов также ссылаются на отсутствие упоминаний о поморах в судовом журнале Баренца, а позднее и китобоев. Однако известно, что корабли Баренца не подходили к этим берегам, в то время как на Новой Земле голландские моряки зафиксировали становища и православные кресты. Что касается судовых журналов европейских моряков, то опубликована относительно небольшая их часть. Вместе с тем в XVII в. к архипелагу на китобойный промысел уходили ежегодно из разных стран десятки и даже сотни судов.

Следует также отметить, что проведённый в своё время палеографический анализ обнаруженных на деревянных предметах памятников Шпицбергена русских надписей всё-таки достоверно не подтверждает их раннюю датировку. Конечно, нельзя полностью исключить версию появления поморов на архипелаге в XVI в., но в данном случае ей тоже не хватает аргументов. Безусловно, этот вопрос по-прежнему остаётся дискуссионным, а его политический контекст несомненен, хотя уже не актуален.

Благоприятная международная обстановка, сложившаяся в годы Первой мировой войны для Норвегии (придерживалась нейтралитета), позволила ей экономически укрепиться и выкупить акции многих иностранных угледобывающих компаний, а также приступить к организации собственного угледобывающего производства в лице угольной компании «Стуре Норске» (с. 340—341). В 1920—1930-х гг. наступил пик норвежской экспансии полярных областей в обоих полушариях — в истории страны она получила название «арктический империализм». Именно тогда Норвегия аннексировала остров Ян-Майен (1929), в 1931—1933 гг. предприняла неудачную попытку захвата у Дании части Восточной Гренландии («Земля Эрика Рыжего»), предъявила претензии на Землю Королевы Мод в Антарктиде и острова Свердруп

в арктической Канаде. Полярную экспансию молодого скандинавского государства признают не только Арлов, но и другие норвежские исследователи (У. Ристе и Р. Берг).

Не стоит упрекать Арлова в том, что он не коснулся некоторых важных страниц прошлого архипелага, поскольку всё охватить невозможно. Например, не показана роль британского дипломата и предпринимателя Д. Кроу в становлении на Шпицбергене в первой трети XIX в. норвежских зверобойных промыслов¹⁰, не отмечен вклад в исследование архипелага немецких и австрийских учёных и путешественников — К. Кольдвеея, Р.Д. фон Вертинберга, Г. Вильчека, К. Вагенера, В. Фильшнера (некоторые имена в книге даже не названы). Ничего не сказано и о судьбе членов драматической экспедиции лейтенанта Г. Шрёдера-Штранца 1912–1913 гг. Кроме того, нельзя согласиться с Арловым по поводу негативной оценки деятельности немецкого предпринимателя и журналиста Т. Лернера (в отличие от него, остальным его соотечественникам-полярникам автор уделил меньше внимания). Но согласно архивным документам именно Лернер стал пионером в деле промышленных разработок угля на острове Медвежьем, приступив к ним на год раньше, чем это сделал норвежец С. Закариессен. К тому же совершенно нет никаких оснований считать Лернера проводником политики германского правительства на Шпицбергене — оно совершенно не интересовалось полярными островами¹¹. Но известно, что самостоятельные действия этого немецкого подданного в Арктике привели к обострению русско-германских отношений в 1899 г., правда, не перешедшего в открытый конфликт.

Арлов увлекательно повествует о том, как с каждой исторической эпохой менялись приоритеты осваивавших архипелаг первопроходцев. Пришедших в XVII в. европейских китобоев в следующем столетии сменили занимавшиеся зверобойными промыслами поморы. За ними последовали норвежские трапперы, причём во многом из-за отсутствия у русских (в основном староверов), в отличие от скандинавов, государственной поддержки.

Существенную роль в будущей суверенизации Шпицбергена сыграли организованные в XIX в. научные экспедиции, прежде всего шведские. Не случайно в 1871 г. Швеция выступила с инициативой, которую Арлов расценивает как попытку аннексии, распространения шведского суверенитета над архипелагом с целью обустройства базы для полярных исследований в Арктике. Но эта страна натолкнулась на неприятие своей позиции со стороны России и, как ни странно,

союзника по унии — Норвегии (с. 254–258). Русское правительство тогда ссылалось на то, что возможная уступка в этом вопросе вряд ли бы нашла понимание у соотечественников. А норвежцы, считает Арлов, опасались, что в случае вхождения архипелага в унию им пришлось бы полностью взять на себя бремя расходов, хотя дело заключалось, видимо, в другом. Если бы Россия согласилась тогда на предложение Швеции, то Шпицберген реально мог стать её владением. Вероятно, это осознавали и в Норвегии, но до её выхода из унии было ещё очень далеко¹².

Автор подробно описывает, как небогатое Норвежское государство регулярно вкладывало на развитие Шпицбергена солидные средства. Например, с 1909 г. на научные экспедиции ежегодно выделялись немалые суммы, которые, правда, значительно сократились после того, как на карте появился Свальбард (с. 341). Патриотически ориентированные предприниматели, несмотря на все риски, ещё в XIX в. оказывали посильную помощь, которая окупилась сторицей (с. 162). Вначале это были арктические промыслы, а затем и налаживание инфраструктуры архипелага: возведение первой гостиницы, организация морских туристических рейсов, устройство первого почтового отделения, обеспечение радиотелеграфного сообщения (даже выпустили марки с видами Шпицбергена). А в первой четверти XX в. правительство оказало содействие в выкупе акций иностранных угледобывающих компаний (с. 409). Причём эти шаги предпринимались Норвегией в то время, когда архипелаг ещё представлял собой «ничейную землю», дальнейшая судьба которой была не ясна.

После выхода из унии и обретения независимости в 1905 г. правящие круги Норвегии почувствовали уверенность и воодушевлённое общественным настроением, уже не скрывая своих амбиций, выступили организаторами первых международных конференций по Шпицбергену с участием России (1910, 1912, 1914). Однако результатов форумы не принесли ни одной из заинтересованных сторон, а затем они и вовсе приостановили работу из-за начавшейся Первой мировой войны. Так Арлов постепенно убеждает читателя в том, что архипелаг действительно должен был оказаться только под норвежской юрисдикцией (с. 556).

В этой связи хотелось бы напомнить о донесениях русских консулов в Северной Норвегии, которые в конце XIX в. уже начали сообщать российскому посланнику в Стокгольме о своей озабоченности из-за чрезмерной активности норвежцев в Арктике. Русский консул в Хаммерфесте О. Визель ещё в 1901 г. с тревогой

докладывал нашему посланнику, что, несмотря на «ничейный» статус Шпицбергена и Медвежьего, скандинавы «стремятся отгородить и захватить как можно больше земли с углём; также там зимуют норвежские охотники, добывающие медведей, оленей, песцов... Таким образом, норвежцы единодушно и сплочённо, как всегда, всеми средствами стараются фактически закрепить за собой Шпицберген, дабы при первом случае предъявить на него свои права. Норвежское правительство, несомненно, сочувствует этой деятельности»¹³. Вывод Визеля мог быть отнесён к Новой Земле и Земле Франца-Иосифа, куда в последней четверти XIX — начале XX в. на промысел ежегодно уходили многие зверобойные шхуны из Норвегии, шкипера которых в 1916 г. даже объявили северный остров Новой Земли, подобно Шпицбергену, «ничейной землёй». Лишь секторный принцип разграничения Арктики, применённый Советской Россией в 1926 г. по примеру Канады, положил конец норвежским притязаниям на эти территории¹⁴.

Когда в XX в. промышленные разработки угля на архипелаге стали не столь актуальными и выгодными, на первый план выдвинулись вопросы, связанные с охраной окружающей среды. Экология, туризм и международное научное сотрудничество оказались определяющими направлениями в развитии Шпицбергена. Арлов не без гордости подчёркивает, что там был достигнут высокий стандарт жизни населения благодаря экономическому процветанию его страны (во многом за счёт трудолюбия граждан, прогрессивного налогообложения на сверхприбыль компаний, использования новейших технологий). Административный центр архипелага Лонгиербуен стал визитной карточкой «скандинавского социализма», в отличие от советских посёлков Баренцбурга и Пирамиды, которые являлись «окнами коммунизма».

Арлов рассмотрел ещё одну проблему, связанную с блоковым статусом Норвегии и режимом демилитаризации Шпицбергена по условиям договора 1920 г. Автор считает, что вступлению страны в НАТО во многом способствовало заявление наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова, потребовавшего в 1944 г. «отдать» Советскому Союзу остров Медвежий и установить кондоминиум над архипелагом (с. 466). Позднее был поднят вопрос о совместной советско-норвежской обороне Шпицбергена, однако Норвегия отказалась его обсуждать, ссылаясь на свой нейтралитет, о котором удивительным образом забыла в 1949 г., став членом НАТО. В результате советско-норвежские отношения долгое время оставались «взаимно подозрительными». А в 1951 г., вопреки статьям Парижского договора 1920 г., Норвегия включила Шпицберген и Медвежий

в оборонную зону, находящуюся под контролем командования НАТО (с. 473).

В настоящее время российское присутствие на Шпицбергене, в сравнении с советским периодом, сильно ограничено (наше государство постепенно утрачивало там свои позиции). Арлов подчёркивает, что с 1980-х гг. «Норвегия стала всё больше вмешиваться в деятельность русских на архипелаге». В начале XXI в. наступил период относительного взаимопонимания и сотрудничества России и Норвегии при ведущей роли последней.

На мой взгляд, результатом российских, а не взаимных, как иногда считают, уступок стал возможен договор по разграничению морского пространства в Баренцевом море 2010 г. В итоге наша страна, по подсчётам специалистов по морскому праву, потеряла около 90 тыс. кв. км, что вызвало неоднозначную реакцию ряда отечественных политиков и учёных. Норвегия же расценила это соглашение как свою очередную дипломатическую победу. В целом Арлов, конечно, не мог полностью раскрыть этот вопрос в норвежском издании книги, поэтому обозначил его лишь как спорную проблему, ждущую разрешения (с. 492).

История Шпицбергена даёт пример того, как Норвегия (государство с небольшим по численности населением и скромными ресурсами), не считаясь с трудностями, на протяжении почти столетия неуклонно шла к реализации национальной идеи — установлению суверенитета над Шпицбергеном. Без малого почти 400-летнее подчинённое положение в составе сначала датской, а затем шведской уний, «ничейный» статус архипелага (который в своё время решительно отстаивала Россия), необходимость лавирования между интересами великих держав, казалось бы, не давали Норвегии ни малейших шансов. Но она добилась своей цели благодаря невиданному всплеску национального самосознания, породившего целую плеяду великих личностей (в первую очередь полярников), самоотверженности рядовых граждан, одержимых единой патриотической идеей, вложению огромных государственных средств и, конечно, историческому везению.

Примечания

¹ *Визе В.Ю.* Моря советской Арктики. Главсевморпуть. М.; Л., 1948; *Белов М.И.* История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. М.; Л., 1956; *Обручев С.В.* Русские поморы на Шпицбергене. М., 1964; и др.

² Первое издание фундаментального труда Т.Б. Арлова: *Arlov T.B. Svalbards historie.* Oslo, 1996 (затем было переиздано в 2003 г.).

³ *Keilhau B.M.* Reise i Öst-og Vest-Finnmarken samt til Beeren-Eiland og Spitsbergen i aarene 1827 og 1828. Christiania, 1831. S. 225.

⁴ *Torfæus T.* Gronlandia antiquæ. Copenhagen, 1706. Tabl. 6.

⁵ *Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики. Т. I. М., 1998. С. 8–17; *Державин В.Л.* Свальбард в картографии Гренландии XVI–XVIII вв. // Российская археология. 2016. № 4. С. 151–161.

⁶ *Русе У.* История внешней политики Норвегии. М., 2003. С. 155.

⁷ *Саватюгин Л.М., Дорожкина М.В.* Архипелаг Шпицберген. Российские имена и названия. СПб., 2009. С. 8.

⁸ The Place Names of Svalbard // Rapportserie. № 122. Norwegian Polar Institute. Tromsø, 2003. P. 15.

⁹ *Chochorowski J.* Problems of the dendrochronology of Russian hunting stations of Spitsbergen. Krakow, 1999. S. 93–101.

¹⁰ См.: *Conway M.* No man's land. Cambridge, 1906.

¹¹ *Державин В.Л.* Попытка организации русского угледобывающего производства на острове Медвежьем в начале XX века // Комплексные исследования природы Шпицбергена. Вып. 11. М., 2012. С. 62–67.

¹² *Berg R.* From «Spitsbergen» to «Svalbard». Norwegianization in Norway and in the «Norwegian Sea», 1820–1925 // Acta Borealia. 2013. Vol. 30(2). P. 154–173.

¹³ АВПРИ, ф. 155, оп. 930, д. 5, л. 214.

¹⁴ *Русе У.* История внешней политики Норвегии. С. 157.

Пётр Базанов, Александр Пученков

«Правитель омский» и его дипломатия*

Petr Bazanov (Saint Petersburg State Institute of Culture, Russia),

Aleksandr Puchenkov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

«The Governor of Omsk» and his diplomacy

Уроженец Калифорнии и потомственный русский эмигрант кандидат исторических наук Анатолий Всеволодович Шмелёв хорошо известен в кругу специалистов не только как научный сотрудник Гуверовского института войны, мира и революции Стенфордского университета и куратор коллекции России и Евразии имени Р. Конквеста, но и как автор-составитель второго – существенно переработанного и дополненного – издания указателя А.А. Геринга «Материалы для библиографии русской военной печати за рубежом» (N.Y., 2007).

В своей монографии, опираясь на материалы огромной архивной коллекции Гуверовского института, ГА РФ и АВПРИ, а также на хорошо известную ему мемуаристику, Шмелёв анализирует одну из причин поражения белых в Гражданской войне. «Неуспех Белого движения, – пишет автор, – в какой-то мере обусловлен его внешней политикой, исходившей не из реальной обстановки, а из иллюзий того, что “должно быть”. Белые не принимали во внимание слабость своих правительств и их

международную изоляцию, их политика скорее раздражала иностранные державы» (с. 8). Вместе с тем исследователь стремится «опровергнуть стереотипную оценку омского правительства как марионеточного, равно как и избежать противоположной крайности» (с. 8).

По словам Шмелёва, «тримя главными направлениями внешней политики правительства Колчака являлись признание, снабжение и единство России» (с. 215). Соответственно книга состоит из трёх глав, в которых рассматривается «вопрос о признании правительства адмирала Колчака», раскрываются его взаимоотношения с государственными-лимитрофами и характеризуется «военная помощь иностранных государств» Омску. Признание омского правительства всероссийским в 1919 г. являлось несомненно важнейшей задачей, стоявшей перед внешнеполитическим ведомством Колчака, что в значительной степени объяснялось желанием белых включиться в работу Парижской мирной конференции (с. 15), на которую русскую делегацию так и не допустили. Кроме того,

* *Шмелёв А.В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с.; [4] с. ил. (Эпоха войн и революций; вып. 9).